

Серик

Асылбеков

ЭХ, РОССИЯ...

Рассказ

После демобилизации Каскырбаю было тесно в крохотном, с лошадиную холку, ауле Ак-иин. Особенно неблагоприятным для него стал климат родной земли: город Н-ск, расположенный в европейской части России, где он два года кряду выполнял свой почетный долг перед Родиной, был знаменит своими тенистыми садами, а здесь, в его родном Ак-иине, нет не то что густых лесов и рощ, как в Н-ске, но даже и какого-никакого кустика, под которым можно было бы схорониться от палящего южного зноя.

С какой стороны ни огляди эти тридцать-сорок приземистых избушек, расположенных вдоль крохотного такыра у самого подножья кудрявых песчаных барханов, всюду бесконечная, безграничная пустынная безбрежность, колыхающаяся под синим маревом у горизонта. Даже само солнышко Божье здесь восходит красное-красное и заходит также, пылая ярко-красной раскаленной жаровней. День-деньской беспощадный зной полыхает нещадным огнем, будто упорно хочет сжечь дотла эту невинную казахскую степь.

Единственным общественным местом Ак-иина, расположенного далеко не только от райцентра, но и в километрах шестидесяти от центральной усадьбы совхоза, является продуктовый магазин. Что касается здешней начальной школы, она закрыта на летние каникулы. Опустевший школьный двор целыми днями безраздельно захватывают хромая и хворая скотина, не сумевшая выйти на выпас со стадом, да бездомные бродячие псы. Кстати, есть же здесь еще и библиотека. Да только дверь ее уже битый месяц стережет огромный черный замок: девушка-библиотекарь сначала была помощницей на стрижке овец, а сейчас поварит на сенокосном стане. Все работоспособные мужчины фермы сейчас заняты делом – заготавливают корма, в ауле остались лишь маломощные старики, женщины да ребятига. День-деньской ворочаясь на постели в избушке с затемненными от зноя окнами и дверями, Каскырбай, совсем изнывая от скуки, каждый день, ближе к вечеру, выбирается на пологий песчаный холм за аулом. И смотрит долго с неведомой ему самому надеждой на постепенно уменьшившиеся к закату солнца, исчезающие, впитываясь в горизонт, волны марева, на заезженную извилистую степную дорогу, связывающую этот богом забытый, оставшийся без внимания в глубине Кызылкумов, маленький аул с центром совхоза. Томится Каскырбай, не видя никаких знаков жизни и с той стороны. «Что же это за скучное селение такое!» говорит он, одергивая ворот своей короткой тельняшки. И в этот миг

Каскырбай напрочь забывает, что и сам-то он родился и вырос в этом же глухом ауле. Он ощущает, что приехал в это расположенное в глубине песков маленькое зимовье кратковременным гостем, для того, чтобы какое-то время вот так томиться от унылого одиночества. «Эх, Россия!..» говорит он, при этом глубоко и горько вздыхая. И перед глазами его появляются ласковые сады российского города, где провел он два года своей армейской жизни, возникают белоногие березки, многоэтажные высотные дома и огромные железные ворота воинской части на краю города.

Каскырбай был единственным казаком в роте. Поскольку нельзя быть в обществе и жить вне общества – пришлось ему упорно осваивать русский. Своенравный язык Каскырбая, способный никому не давать спуска на казахском языке, сначала хоть и помучил изрядно своего хозяина, но вскоре постепенно прилачился и к русской речи. Зато «боевые» товарищи ни разу не сумели правильно произнести его такое простое казахское имя.

– Ладно, бай – это понятно... А вот Кас... скыр... Нет, друг, ты не обижайся, лучше мы будем называть тебя по-своему – Колей. Так будет проще, – говорили они.

Что касается Каскырбая, то он не стал особо упираться, возражая, мол, нет, товарищи, вы уж называйте меня по имени, которым меня с рождения нарекли родители. Просто по казахской своей покладистости безропотно подчинился желанию большинства. Так началась военная жизнь рядового бойца Каскырбая – Коли Карамендина. Беспрекословно исполняющий поручения старших по званию, дотошный в работе кызылкумский парнишка быстро освоился в новой для него среде. Как бы то ни было, у него хватило-таки ума усвоить, что здесь не проходят некоторые его капризы, какие он мог проявлять в ауле по отношению к родителям и сверстникам послабее его. Таким образом, Каскырбай играючи свел на нет пророчество отца своего Караменды, который в сердцах, бывало, говаривал: «В голову-то у тебя, похоже, мозгов поменьше, даже, чем у какого-нибудь воробышка!..»

Хоть и не был Каскырбай непременно первым во всех ротных делах, но и от других все же ни в чем не отставал. Благодаря своей неизменной отзывчивости и готовности помочь любому, он избежал и жесткой прессовки армейских «дедов». Офицеры всегда здоровались с ним радушно, а дотошному ротному старшине он, можно сказать, стал прямо правой рукой. Потому и одна из первых пяти-шести тельняшек, добытых старшиной у местных перекупщиков, досталась готовившемуся к «дембелю» рядовому бойцу строительного батальона Коле Карамендину. Кроме старшины в роте был питавший к Каскырбаю какую-то особую приязнь такой же рядовой боец, как и он, Саша Журавлев. Как знать, какая черта характера Каскырбая пришлась ему по нраву, но так или иначе этот добродушный русский парень приблизил его к себе. Может быть, потому, что и сам он, как Каскырбай, был родом из села. Саша не любил город, в том числе и Н-ск: всегда гордился тем, что он сибиряк, что он деревенский, его юная душа находила особое наслаждение в том, чтобы превозносить необъятную сибирскую тайгу, тамошние белоснежные морозные зимы и неукротимые буйные метели. Был Саша парнем веселым, общительным, говорят же, все заразно, кроме перелома, вот и Каскырбай научился у него даже немного брэнчать на гитаре. И единственным гостинцем, который он привез по возвращении в родной Ак-ин, была купленная в магазине культтоваров города Н-ска семиструнная гитара.

Н-ск был славен не только своими тенистыми садами и белоногими березами. В этот исторический российский город частенько наведывались с гастрольями знаменитые артисты, оперные и балетные труппы, ансамбли песен и плясок всякого рода из центра и даже из зарубежья. Военная часть, где посчастливилось служить Каскырбаю, никогда не оставалась в стороне от таких благих культурных мероприятий. Когда выпадал добрый случай, то и рядовой боец Кармендин вместе со своими сослуживцами в колонных концертных залах города Н-ска, озаренных ярким сиянием дорогих ламп, встречал не один воскресный вечер со старинными и вечно молодыми волшебными мелодиями классической музыки.

О-ох, были же времена!.. «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Лебединое озеро»!.. Что скрывать, в памяти Каскырбая, выросшего на краю далеких Кызылкумов, остались лишь их названия. Сказать по правде, как бы ни был силен дух той самой мировой классики, она все же не смогла своими чарующими мелодиями покорить душу кызылкумского юноши. Каскырбай, подобно некоторым своим сверстникам-сокровникам, оставшимся с младых ногтей в стороне от большого искусства, посиживал в переполненном удивительным звучанием мелодий колонном зале, позевывая и подремывая, на одном из кресел в последнем ряду партера. И все же, факт есть факт, никто не может отрицать, что рядовой боец Каскырбай – Коля Кармендин участвовал в таких торжественных вечерах искусства. А если учесть, что некоторым из его кызылкумских земляков не только не выпадало счастья позевывать на таких спектаклях, но даже и не снилось подобное, то только одно это, несомненно, было немалой удачей для юноши из Ак-иина. Ему даже выпало счастье, когда он однажды во время антракта пил лимонад в буфете на втором этаже театра, увидеть нескольких балерин. О, они прошли совсем рядышком, ставя прямо, как красавцы-аргамаки, свои стройные голые красивые ножки, и были для Каскырбая откровенным чудом, похожие на гурий, сошедших прямо из райских кущ, повязав на плечи крылья из белоснежных перьев... Что и говорить, он, Касеке, сподобился видеть даже это! Не говоря уж о балеринах, какими же лукавыми и своенравными были белокрые голубоглазые простые девушки города Н-ска. Они так и сияли, налитые и сочные, как скороспелые, влекущие к себе плоды.

Однажды во время очередной увольнительной Саша Журавлев познакомил Каскырбая с девушкой по имени Наташа. Наташа – с чистыми-пречистыми, как голубое в солнечный день небо, полными нежности глазами, – была подружкой девушки Журавлева – Любы. Они обе работали прядильщицами на трикотажной фабрике. Скрывать нечего, Коля-Каскырбай однозначно влюбился в Наташу с первого же взгляда. В тот день они вчетвером долго гуляли по городу: лакомились мороженым, катались в парке на стремительных качелях, а вечером все вместе пошли на стадион смотреть встречу играющей в первой группе класса «А» местной команды. Там, на стадионе, как это бывает обычно, собрались в основном мужчины, поэтому во время футбольного спектакля между зрителями не обошлось и без некоторых скабрзностей – порой раздавались и грубые ругательства. Такое, не будь с ними девушек, понял бы и Каскырбай, к тому же так случилось, что Н-ские футболисты в тот день играли довольно неудачно. Однако, к его удивлению, ни на Наташу, ни на Любу некоторые грубые выкрики болельщиков особого впечатления не произвели. Все четверо, несмотря на то, что Н-цы проиграли, вышли со стадиона в приподнятом настроении.

Когда подошли к автобусной остановке, Саша, сославшись на то, что нужно проводить невесту, оставил Каскырбая с Наташей наедине. Каскырбай-Коля откровенно растерялся, откуда было матерому донжуану Саше Журавлеву знать, как страшно такому неискушенному юноше, как Каскырбай, оставаться наедине со столь красивой молодой девушкой, как Наташа!

К счастью, Наташа сразу взяла бразды правления в свои руки. И вот уже они идут по городу, взявшись за руки. О, это же было некое неожиданное для Карамендина счастье. Наташа рассказывает про свою семью: отец года четыре назад погиб в автомобильной аварии, и они сейчас живут втроем – с матерью и сестренкой-школьницей. Мать тоже работает на трикотажной фабрике мастером, короче, она, Наташа, из рабочей семьи. Каскырбай своим не очень еще хорошо поставленным русским языком тоже вкратце поведал, как сумел, собственную не слишком богатую биографию. Узнав, что у родителей этого идущего рядом лопухого, с выпученными глазами, но и не лишённого миловидности солдатика-азиата семеро детей, Наташа не смогла скрыть своего удивления.

– Ты что, серьезно?! – сказала Наташа, от удивления открыв рот.

– Вот у нашего соседа-тракториста Алданыша – двенадцать детей, – сказал, горячась, Каскырбай.

– Ужас!.. – красивые голубые глаза Наташи чуть не вылезли из орбит. – Как же он их всех может прокормить?

– А что их не прокормить?! Есть же у человека скотина – коровы, скажем, овцы...

– Кстати, у вас, наверное, и верблюды водятся? – спросила Наташа, почему-то рассыпая из глаз лукавые искры.

– Ну, конечно, верблюды тоже есть.

– Ой, как здорово! Я недавно видела по телевизору верблюжки бега, проходившие в одной из арабских стран. У вас тоже бывают такие бега?

– А как же, конечно, бывают!.. – откровенно соврал Каскырбай.

– Ах, какая забава! Знаешь, я так люблю такие состязания.

В то лето Каскырбай часто ходил к Наташе. Однажды он за самоволку даже попал на гаупвахту. Однако, что значит гаупвахта, когда речь идет о любимой девушке! Но так уж случилось, и что тут поделаешь, спустя два-три месяца их встреч голубоглазая красавица постепенно начала охладевать к Каскырбаю. Стала избегать встреч с ним, говоря: «Что-то у меня сегодня голова болит». Наконец, однажды мать Наташи, полноватая женщина в возрасте – тетя Поля, подозвала к себе поджидавшего девушку Каскырбая и дала ему такой совет:

– Сынок, ты не возлагай на нее особых надежд. У нее есть такой же, как и ты, парень в армии, скоро он приедет. Девушка, пока не станет зваться женщиной и не окажется в супружеских путах, – это, к сожалению, порхающий мотылек, который садится сегодня на этот цветок, завтра на тот. Ты, сынок, уж не теряй с ней зря своего времени.

Лишь тогда Каскырбай понял, почему Наташа в последнее время так усиленно избегает его. В ту ночь он так и не смог уснуть до самого рассвета, ворочаясь на своей железной скрипучей кровати. С тех пор он тоже постепенно охладел сердцем и даже не порывался идти к ней. Он сильно злился и на недолго забавлявшуюся им Наташу, и на себя за то, что обманулся пустыми обещаниями избалованной вниманием девицы. В памяти Каскырбая смутными видениями осталось лишь

как они с Наташей несколько раз поцеловались под высоким тополем и в сумеречном подъезде пятиэтажного наташиного дома. А Саша Журавлев теперь стал ходить к любимой своей в одиночестве.

И сегодня Каскырбай, стоя на вершине пологого холма из белого песка за аулом, вспомнил те далекие мгновения. Хоть и чуял он сердцем, что те далекие дни, подобно несущимся по безлюдной степи кочующим волнам марева, не воротятся уже никогда назад, как ты тут ни вздыхай жарко и горько: «Эх, Россия!», – а все же чего-то жаждал, все на что-то надеялся, что ли, – этого он и сам не знает точно. Словом, какое-то состояние опустошенности. Так он в состоянии душевной неприкаянности постоял на вершине холма и, лениво ступая, направился к дому.

Каскырбай был самым младшим из семи детей Караменды и Камки. Те, кто старше него, теперь уже создали каждый собственные семьи, рассыпались в соответствии с работой своей – кто в райцентре живет, кто в центральной усадьбе совхоза. Наверное, поэтому всю любовь свою старые родители перенесли на оставшегося с ними поскрёбыша. И, может быть, это тоже повлияло на то, что Каскырбай рос несколько равнодушным к учебе, избалованным ребенком.

Разжигавшая огонь в плите перед избушкой матушка Камка, как обычно, встретила прогулявшегося на холм сына, ласково приговаривая по-матерински нежные слова.

– Мама, что ты готовишь? – спросил Каскырбай.

– Мясо варю, сынок.

Возвратившийся из армии парень взорвался:

– Каждый день бешбармак – надоело! – сказал он морщась. – А борщ нельзя сварить?

– Ах, голубчик ты мой ненаглядный, где же я на него «капуску» найду, да и картошку в наш магазин с осени не завозили. Пропущенное же место у нас такое.

Каскырбай понял, что предъявил матери на этот раз неуместное требование.

– Ладно, тогда... – сказал несколько отрешенно.

Камка опять начала приговаривать нежные слова:

– Восторгаюсь я твоими блестящими глазенками, родной ты мой, твоими лопушистыми ушами, твоим телячьим носиком!

Каким Каскырбай ни был избалованным, все же ему пришлось возразить столь бурно проявленной нежности матери.

– Ну, хватит, мам!.. – вспыхнул он.

Камка не проявила желания остановиться на этом. Еще больше запричитала, умиляясь тому, как сын говорит по-русски:

– Как сладок мне твой непонятный язык! Как ласкает слух твое слово «мам»!

Она подошла и чмокнула в щеку не ожидавшего этого сына. Каскырбай, морщась, утер тыльной стороны ладони влажную от поцелуя щеку. И кто это придумал целовать в щеки! – пришедшие поздравить матушку Камку старухи Ак-иина в первые несколько дней тоже совсем уж исключили своими поцелуями щеки Каскырбая.

В этот час не только Камка, но и другие женщины небольшого аула вышли со своими заботами из домов. Все это время следившая за Каскырбаем и его матерью сухопарая черная жена соседа через улицу, громко затараторила, все равно, как по радио.

– Ойбай, матушка моя, вы же на щеке деверя моего не оставили места для девичьих поцелуев, все щеки ему обслонявили. Не дай Бог, проклятые девицы эти станут потом сторониться младшенького вашего, дескать, ты же весь старушечьим духом пропах.

Мать Каскырбая была отнюдь не из тех, кто в таких случаях потерпит от кого-то поражение:

– Да пусть эти травоволосые девицы жертвой падут за моего золотого! Тоже мне, вздумалось ей каких-то жалких девиц превозносить!.. – сказала она, не уступая снохе своей по их роду.

Каскырбай теперь понял, что потерпит еще немало насмешек от жены своего старшего сородича, если останется стоять здесь и направился к глиняной избушке-мазанке, возведенной Караменды четверть века тому назад. И видно так торопился быстрее скрыться в доме, что ударился головой о притолоку.

– У-у, проклятая хата! – сказал он, потирая за ушибленное место. – И что, нельзя было повыше построить!

– Чтостряслось, душа моя? – громко спросила, стоя у очага, матушка, почувствовав в голосе сына боль и раздражение.

– Ничего, – с недовольным видом буркнул Каскырбай и ушел в дом.

* * *

В тот день в аул, чтобы помыться-переодеться и денек отдохнуть в кругу своих семей, заявили дневавшие и ночевавшие на стане сенокосчики Ак-иина. Давно не видевшиеся и соскучившиеся детишки порадовались отцам своим, молодки – мужьям, молодежь – друзьям и подругам, и небольшое зимовье в полную сельских хлопот вечернюю пору наполнилось вдруг суетливым весельем. Разве в небольшом ауле залежится добрая весть, похоже, покосчики уже прослышали, что Каскырбай воротился из армии, а потому зашли в свои дома, привели себя в порядок, выпили по пиале-другой чаю и в большинстве своем направились к дому Караменды.

– О, сын воротился из армии, радуешься, тетушка!

– Поздравляю! Дай Бог восторгаться долго!

– Вот те на! Это Каскырбайжан, что ли? Настоящим мужчиной стал! Ну, давай обнимемся, – говорили гости, мгновенно заполнив радостными возгласами и шутками четырехкомнатную глинобитную избу Каскырбая и поставленную во дворе юрту. К тому времени вернулся и старик Караменды, занятый поисками ушедшей в бега от оводов красной телушки. Да не просто вернулся, а с находкой: сойдя с коня, он завел в загон беглянку с неотразимо похожим на нее теленком, и уселся безмятежно за вечерний чай.

Старики и это событие посчитали доброй приметой и увидели в нем немало благих предчертаний.

– Вот это и значит, что овца обьягнется двойней, коли прибудет благой гость. Благим оказался и шаг Каскырбайжана!

– Апырмай, надо же, даже телочка Камки отелилась к нашему приезду. Выходит, мы тоже люди не простые, – гуторили они.

Соседские молодки из сородичей суетились, кто ставя самовар, кто закладывая мясо в большой глубокий котел. Хотя никто не приглашал аулчан на пиршество, но все явились сами и сами начали доброе веселье. Так в этом, расположенном в глуби Кызылкумов ауле, в сотнях, а то и в тысячах километров от цивилизации,

доказывали, что не забыли о былом, несколько потускневшем ныне национальном радушии, доброте и единстве казахов.

В эту пору несколько молодых парней аула, окруживших Каскырбая, отошли в сторону, отделились от шумихи старших. Сверстники и приятели, два года не видевшие парня, воротившегося из армии, откровенно соскучились по нему. Они тесным кольцом окружили Каскырбая.

– Эй, вы чего это целых две недели глаз не показали? – сказал Каскырбай по ходу разговора, оборачиваясь к одному из своих одноклассников. Тот теперь был одним из солидных механизаторов Ак-иина.

– Ойбай, сейчас ведь горячая пора. Ты хоть умри, Тлепбай не отпустит! – оправдывался он. Под началом Тлепбая до армии месяцев восемь работал и Каскырбай, но сейчас он отнесся к нему несколько свысока.

– Да ну, нашли кого бояться!

– Не боимся, конечно. Но все же работа есть работа, – сказал Султанбек не совсем уверенно.

– Ну ладно, – сказал Каскырбай, не считая нужным дальше продолжать эту тему. – Сейчас у нас дома проведем «вечер». В честь моего возвращения. Девчонки есть в ауле?

Мысль о проведении веселой вечеринки сверстникам-механизаторам понравилась, но когда речь зашла о девушках, они заметно растерялись.

– Есть Кунимай, – сказал окончивший школу только в прошлом году безусый юнец Ахат, называя имя девушки-библиотекаря Ак-иина. – Только что приехала с нами с сенокоса.

– Так, хорошо. Еще кто есть? – спросил Каскырбай. Ребята задумались. И в самом деле, в этом ауле не могли похвалиться наличием девушек. Тому и причина была: в Ак-иине не было работы, подходящей для девушек, поэтому они, едва окончив школу, отправлялись в районный и областной центры, а то и в столицу, и кто поступал учиться, тот поступал, а кто не поступал, оставались там, устроившись на работу на заводы и фабрики. А тех считанных из них, кто возвращался к родным очагам, вскоре увозили пострелы Ак-иина и соседних аулов, создавая с ними свои семьи.

– Кстати, а Айша, дочь Ибадильды? – сказал тут Султанбек. – Сегодня она приехала на каникулы. А с ней еще три сокурсницы.

Это была неожиданная весть: джигиты, стали удивленно переглядываться, словно спрашивая друг друга: «А ты что знаешь?»

– Правда, своими глазами видел, – сказал Султанбек, готовый еще чуть-чуть и поклясться в этом.

– Тогда всё! Считайте, что вопрос решен, – сказал Каскырбек, забирая бразды правления полностью в свои руки. – Ахат, ты сходишь, приведешь Кунимай. А этих студенток...

– Они на нас, небось, свысока посмотрят, – сказал тут угрюмый долговязый тракторист по имени Жубаныш, от которого вечно воняло соляжкой.

Каскырбай неприязненно глянул на Жубаныша.

– А что, мы хуже других? – сердито сказал он по-русски. – Пусть только попробуют! Свысока!.. Султанбек, к студенткам пойдешь ты сам. Кстати, а где они учатся? Что-о, здесь у нас в Кызылорде? Ничего, среди нас есть такие, кто видел города и похлеще.

Короче, уже через пару часов в главной комнате приземистого домишки Караменды пятеро девушек во главе с Кунимай и Айшой и семь-восемь упомянутых уже холостых парней вели оживленный разговор за дастарханом, накрытым в честь возвращения Каскырбая из армии. Студентки, оказалось, насчет выпивки не заставляют себя уговаривать, это понравилось и хозяину праздника, и остальным. Постепенно усилилась уверенность, что эти посиделки превратятся в веселое и разгульное празднество – так были сведены на нет сомнения Жубаныша насчет высокомерия студенческого общества. И парни, и девушки по традиции при удобном случае восхваляли виновника сегодняшнего торжества – Каскырбая.

– Я не умею говорить красиво. Скажу только – да здравствует советский воин! – провозгласила тост, когда до нее дошла очередь, сидевшая рядом с демобилизованным парнем студентка по имени Каламкас. Это была одна из самых сильно прозвучавших речей. Каскырбай выпил за этот тост стоя. И вправду, ему понравился не только тост Каламкас, но и сама она – от ее коротенькой трепещущей челки и сияющих пронзительных черных глаз до слившейся воедино с ее телом мини-юбки. Каскырбай, когда выпадал случай, с любовью рассказывал о России, о городе Н-ске, где он проходил службу.

– Ох, ребята, ей-богу, не знаю, как вы терпите в этой безлюдной пустыне, где под палящим зноем даже собакам тяжело, а я, вообще, наверное, в конце концов, уеду назад в Россию, в город Н-ск, – даже брякнул он. Мысль о возвращении в Россию прежде как-то не приходила в голову Каскырбаю, и вот, хоть брякнуть-то он и брякнул, однако теперь из чего-то, до сих пор неведомого и ему самому, в закуточке души начало зарождаться некое строптивное желание: «А что, почему бы не уехать! Уеду и все!». Надо сказать откровенно, именно эта мысль Каскырбая пришлась обществу не совсем по душе. Однако, казахи же все же народ радушный и покладистый, поэтому гости за дастарханом сочли возможным простить эту шаловливую выходку Каскырбая.

– Эх, жаль, была бы здесь русская самогонка. Хороша же она, самогонка-то, сразу кровь от нее бурлить начинает, – сказал Каскырбай в следующий раз. Аулчанам показалось неуместной тоска по какой-то там самогонке, когда дастархан ломился от водки и вин, выпущенных законным государственным производством. Эдакие «российские» выходки воротившегося из армии парня постепенно стали задевать самолюбие некоторых жигитов.

– Эй, Каскырбай, ты бы это... особо не трепался бы. Все мы выросли в этом ауле, – не стерпев, сказал одноклассник Каскырбая Султанбек. Они стали препираться за дастарханом, и не вмешайся в эту распрю девушки, то вполне могла начаться и кое-какая потасовка.

За полночь молодежь вышла из дома – во двор: как ни хорошо было выпивать, слушать музыку и развлекаться, однако подошло время, когда все, наконец, должны были разойтись по домам.

О, как чудесна бархатная ночь Кызылкумов, на черно-синеватом небе которых перемигиваются такие крупные и яркие звезды!.. Вот, небольшой аул из тридцати-сорока домов лежит в объятьях сладкого сна. Полная луна купает мир в своем белесом сиянии и медленно убаюкивает его. Едва заметное шаловливое дуновение ласкает тело нежной прохладой и будто призывает все живое, произросшее и расправившееся из земной сути, на миг отдохнуть и найти покой. Окрест застыла долгая тишина, лишь слышно порой, как фыркают овцы в загонах, да ласково

урчат чадолюбивые верблюдицы, вдыхающие сонно запахи своих верблюжат. Вышедшая во двор молодежь поначалу стояла тихо, замороженная сонной дремотной ночной тишиной, однако вскоре заговорила наперебой. Каскырбай и Султанбек собрались проводить студенток. Вот идет рядом с Айнаш и ее подругой Султанбек, а позади них, отстав шагов на тридцать, – Каскырбай и Каламкас.

– Ты мне нравишься, – сказал Каскырбай девушке.

– Неужели?! – насмешливо ответила Каламкас.

– Честно, – Каскырбай приобнял девушку. Студентка вежливо высвободилась из-под руки парня. Это высокомерие девушки задело самолюбие юноши, насыщенного парами выпивки и молодости. Смело решившийся на что-то Каскырбай тогда с силой притянул девушку к себе и поцеловал ее трепетные горячие и влажные губы. Растерянная от столь неожиданной грубой выходки виновника торжества девушка сначала вскрикнула от неожиданности, но тут же пришла в себя и слабенько хлестнула пощечиной снова потянувшегося к ней парня:

– Солдафон!..

Лицо Каскырбая так и вспыхнуло. Внезапные вскрик и звук пощечины слишком ясно слышны в такую дремотную летнюю ночь: ушедшие не так далеко от них Султанбек и Айша с подругой подбежали к приотставшим от них девушке и парню.

– Что ты сказала?! – спросил Каскырбай, потирая ладонью щеку и вплотную подступая к Каламкас.

– Не слышишь, что ли? Солдафон ты, больше никто! – сказала Каламкас дрожащим голосом.

Переставший отдавать себе отчет, что он делает и как поступает, Каскырбай тут же схватил не ждавшую нападения девушку за ворот и толкнул изо всех сил. Все девушки вскрикнули разом.

– Эй, Каскырбай, ты что, одурел, что ли?! – Султанбек, не зная, как понять эту выходку своего бывшего одноклассника, подбежал к нему и сжал его в объятьях. Охваченный бешеным гневом Каскырбай несколько раз нанес Султанбеку удары кулаками. Тогда и тот пустил в ход кулаки: бешеный обмен тумаками, рычание и охание, свистящие злые ругательства сквозь зубы наполнили столь спокойную тихую ночь.

И лежавший в летней юрте чуткий слухом старик Караменды, торопливо сунув босые ноги в стоявшие у порога калоши, крепко сжав в дрожащей от гнева руке свою висевшую на остоле юрты восьмиременную камчу, добрался до схватившихся в ярый потасовке парней. Едва подбежав к ним, он пару раз на отмах полоснул восьмиременной камчой по спине Каскырбая, одетого в полосатую моряцкую тельняшку с короткими рукавами.

– Ах, негодяй, я выбью из тебя твою дурь! Тоже мне, надумал всполошить тихо-мирно дремлющий аул!

Спина Каскырбай так и дернулась от жгучих ударов камчи.

– Отец, успокойся! – сказал он, схватив за кончик восьмиременную камчу. Мало всего остального, так еще и то, что этот щенок заговорил с безграмотным стариком на русском языке, совсем вывело Караменды из себя.

– Ах, он еще говорит мне «спакой»! Плохой казах, говорят, русским хочет быть... Эй, тупица, если ты так любишь русских, то почему не научился у них всему лучшему?! Тебя, что, твои «камандеры» научили тревожить покой столь

мирного аула? Ах ты отщепенец! Завтра же скажу начальству, чтоб отправили тебя на сенокос мух кормить! Я тебя, да я тебя!..

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не прибежала взлохмаченная и растрепанная матушка Камка. Она тут же схватила старика за руки:

– Ойбай, перестаньте! Перед аулчанами, перед сородичами же стыдно!.. – При упоминании сородичей Караменды невольно успокоился. К тому же Султанбек и студентки уже ушли восвояси.

– Уеду, завтра же уеду назад в город Н-ск! Пропади они, такие аулчане и сородичи пропадом! – сказал плачуще Каскырбай, снова набираясь гонору после того, как к нему подросла мать.

– Уезжай хоть к черту на рога, и больше на глаза мне не смей показываться! – сказав это, Караменды, шаркая калошами на босу ногу, скрылся в летней юрте.

– Перестань, радость моя! Возьми да прости отцу его гнев, – причитала бедная его матушка, душою мечась между отцом и сыном.

– Нет, никого не прощу, уеду в Россию! Уеду!..

– Перестань, говорю, сынок. Не будь же ты глупцом. Весь аул же нас на смех подымет. Иди, поспи, отдохни, радость моя!

Делать нечего, пришлось все же Каскырбаю лечь отдыхать. Но и в постели его гнев долго не проходил. «Пропади они – такой аул и сородичи... уеду, уеду!», – твердил он, скрипя сильными зубами, словно грозя кому-то, словно пугая кого-то. Спустя время постепенно начал успокаиваться. «Ладно, скажем, возьму да и уеду. И куда же я там смогу приткнуться? – принялся он вопрошать себя в какой-то миг, когда сумел подчинить свой гнев рассудку. – В Н-ске, что ли? А кто у меня там есть? Наташа, небось, давным-давно забыла его. Теперь уже, наверное, и замуж выскочила за своего возвратившегося из армии жениха. Нынешние девушки народец известный – времена Козы-Корпешей и Баян-Сулу давно канули в никуда. А Саша Журавлев, разумеется, живет-поживает полнокровно в своей родной сибирской деревне. Парень он неглупый, не лежит, наверное, ничком, подавленный и жалкий, подобно ему, Каскырбаю, получив за здорово живешь плетей от отца. И кого же, скажите, он поедет искать в том Н-ске, чего искать?..» Охваченный такими, невольно сводящими на нет все помыслы человека, назойливыми раздумьями, Каскырбай вдруг даже задремал.

* * *

Караменды слово свое сдержал. На другой день после обеда вместе с другими покосчиками на одном из внушительного размера прицепов, которые тащил мощный трактор К-700, в своей заметной издалека тельняшке, трясясь, уезжал на сенокосный стан и Каскырбай. Говорят, человек сам виновник своих несчастий, и, кто знает, если бы Каскырбай вел себя иначе, то, может быть, еще какое-то время отдыхал бы себе безмятежно, вкушая припасенные для него курт и сметану матушки Камки. Кстати, в ту ночь он видел сон. И во сне они с Наташей катались наперегонки по огромному просторному стадиону верхом на верблюдах.

Перевод с казахского Амантая Утегенова

